

Дмитрий Беляков

**Байки
от фельдшера
скорой
ПОМОЩИ**

Книжка первая

Дмитрий Беляков

**Байки от фельдшера скорой
помощи. Книжка первая**

«Издательские решения»

Беляков Д.

Байки от фельдшера скорой помощи. Книжка первая /
Д. Беляков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932240-1

Показания к применению: для улучшения умственного развития в неблагоприятных условиях жизни. Рекомендуемая доза: 1 рассказ в день. Особенности применения: Не давать читать детям, слаонервным и беременным без назначения врача. Побочные действия: В случае индивидуальной непереносимости прекратить чтение и продать книгу.

ISBN 978-5-44-932240-1

© Беляков Д.
© Издательские решения

Байки от фельдшера скорой помощи

Книжка первая

Дмитрий Беляков

© Дмитрий Беляков, 2018

ISBN 978-5-4493-2240-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я – Ваша смерть.

– Вас там ждут... – старенькая охранница нажала кнопку шлагбаума, пропуская на закрытую территорию машину заведующего. Барским жестом заведующий, поприветствовал тётку и, припарковавшись на единственное незанятое место, бодро зашагал к входной двери подстанции. Кивком поздоровавшись с диспетчерами и быстро просмотрев журнал замечаний, заведующий подошёл к своему кабинету, снял печать, вставил ключ в замок и открыл дверь.

Дверь в кабинет захлопнулась за ним с громким, похожим на пистолетный выстрел, звуком. Звук короткой болью отозвался в голове, от чего у заведующего на секунду потемнело в глазах. Затем боль прошла, а зрение вновь вернулось к хозяину, преподнеся последнему сюрприз.

В полумраке кабинета, за его столом сидел статный мужчина, с красивым, но очень бледным лицом. Лицо казалось ещё бледнее из-за строгого чёрного костюма и такого же галстука, резко контрастирующих с белоснежнейшей рубашкой. На столе стояли лёгкие закуски, правда, очень изысканные, два хрустальных бокала, а так же серая от вековой пыли бутылка с каким-то вином. Этикетки на бутылки не было, но источавшийся аромат напитка был настолько великолепен, что сомневаться в качестве вина не приходилось.

Справа в углу, где ещё вчера на полу стоял сейф, сейфа не было, а вместо него теперь весело играл огнём камин. Плотные шторы наглухо закрывали окна, создавая тот волшебный полумрак, который могут создать только плотные шторы и растопленный камин.

– Кто Вы? Как Вы попали в мой кабинет и что вообще происходит? Это Вы меня ждёте? – заведующий сделал ударение на слово Вы.

– Слишком много вопросов для человека, пришедшего с улицы в кабинет. А как Вы узнали, что я Вас жду? – баритон мужчины звучал мелодично, с оттенком бархата. Но при этом настолько твёрдо и безоговорочно, что заведующий растерялся, как на ковре у главврача, ожидая очередного разноса.

– Мне охрана сказала – заведующий всё ещё стоял в дверях, не решаясь что либо предпринять.

– А-а. Нет. Это не про меня. Моё появление здесь было, хоть и запланировано, но не афишировалось. Вас ожидал другой человек. Очевидно, в спешке Вы прошли мимо него. Он стоял как раз напротив двери Вашего кабинета. Да вы не тушуйтесь, проходите, снимайте пальто, присаживайтесь. Всё-таки это пока Ваш кабинет. Я в него немного булгаковщины, правда, добавил. Для антуража. Очень уважаю Булгакова. Надеюсь, Вы не против?

– Кто Вы? – заведующий снял пальто, но не присел, а стал доставать из кармана мобильник.

– Да, да. Вы правы. Я совершенно забыл представиться. Я – Ваша смерть. И, пожалуйста, уберите мобильник. Он бесполезен. Вы забыли его зарядить.

Мобильник действительно оказался разряженным.

– Что значит Моя смерть? Вы пришли убить меня? Вы сумасшедший? – бывший начальник воинской медсанчасти овладел собой, бросил пальто в шкаф и присел на единственный стул, стоящий рядом с накрытым столом.

– Упаси Господь! – Смерть (теперь и мы будем видеть в ней женщину) истоиво перекрестилась. Я никого не убиваю. Убивают все, делом и словом: люди, звери, машины, стихия, наконец. Но не я. Я могу только прийти и ждать, когда вы сами решите упасть в мои объятия.

– Интересно. Значит, я могу и не захотеть?

– Конечно! У нас свободная страна и каждый имеет право на жизнь. Да вы не сидите просто так. У нас ещё минут двадцать. Угощайтесь. Наливайте себе вина, мидию вилочкой подцепите. Наисвежайшая! Мои должностные обязанности не позволяют за Вами поухаживать. Это расценивается, как давление на клиента. Имею право только предложить угощение, поддержать беседу и ответить на интересующие Вас вопросы. Конечно, в меру моей осведомлённости. И, естественно, в ограничение по времени. Не более тридцати минут.

– У вас тоже стандарты обслуживания? – заведующий не мог противиться чарующему баритону.

– Стандартов нет. Мы не на скорой. Должностные обязанности – есть. Лимит времени – есть. Как и у всех вас, смертных: дел много, а времени мало. Я не права?

– А почему?... – заведующий запнулся, подыскивая слова.

– Не утруждайтесь – Смерть улыбнулась. – то, что Вы не сможете высказать, я прочитаю сама. Так вот. Оставьте эти древние представления о том, как должна выглядеть смерть. Коса... Скелет... Плащ... Фу. К каждому, смерть, то есть я, прихожу в том облике, который человеку лично подсознательно импонирует – мужчина краешком губ изобразил улыбку – Облики это не просто мужчины или женщины, старые или молодые. Они могут быть по разному одеты, иметь разные специальности, положение в обществе и так далее. Каждому индивидуально.

– А в моём случае? – заведующий всё же отпил из бокала. Вино было выше всяких похвал. Но разве ж он разобрался?

– В Вашем? Вы привыкли к общению с начальственными чинами. В том числе и с военными. Смотрите им в рот, заискиваете в меру сил, не понимая нутром, почему Вы им, а не они – Вам. Но, когда начальник снисходит до Вас, доверительно, с небольшой подачкой к празднику, Вам хорошо. Вы послушны и готовы на всё. Поэтому Вам проще увидеть свою смерть в образе доброго лично к Вам начальника.

– Ну уж прям. – заведующий скривился.

– Здесь всё – Смерть придвинула к себе лежащий рядом с бутылкой электронный планшет. – Читаем. В жизни, какими-то принципами Вы обременены не были, и ради удовлетворения своих целей были готовы на любую подлость, если, конечно, было, кому прикрыть Вашу задницу. Пример? Извольте. Детство пропускаем. Там мы все немного неадекватны. Юность... ну пусть приравняем к детству. Вот. Начнём с армии. Кажется, Вы были начмедом? И не будете отрицать, что по просьбе руководства «сделать план», здоровых молодых ребят, которые не нравились лично Вам, Вы отправляли в психиатрические заведения? Идём дальше. Гражданская служба. Вы же не станете отрицать, что и на гражданской службе выжидали с работы сотрудников, не угодных Вашему руководству? Или запугивали своих подчинённых пострадавших в автокатастрофах во время работы? И тоже по просьбе начальства. А может и по своей инициативе? Производственные травмы у Вас, кажется, не в почёте? Нет, нет... – смерть жестом осадила привставшего со стула заведующего – ничего личного. Я не в праве Вас осуждать. И давайте, чуть ускоримся. У нас не более десяти минут. Кушайте, пейте. Задавайте вопросы.

Отложив планшет, Смерть вынула из нагрудного кармана смартфон. На экранчике мелькали люди в синих робах с цифрой 03, которые пытались реанимировать лежащее на полу

кабинета тело своего начальника. Чуть дальше, у стены стоял молодой ещё человек с лицом старика, прикованный правой рукой к руке сержанта полиции.

– Хорошие сейчас девайсы. Всё можно посмотреть онлайн, всё решить быстро, на месте. А не мотаться, как подорванная из конца в конец, с того света на этот. А с другой стороны? Попробуй сейчас клиента дожидаться? Скорая, больницы, реанимации. Томографы, кардиографы... И все жить хотят. Не важно как, лишь бы жить. В средние века такого не было. Ни тебе электронной картотеки, ни индивидуального подхода, как сейчас от меня требуют. Но... Требовать то требуют, а уважения к Смерти как не было, так и нет. Сплошное лицемерие. Раньше проще было. Заявлялась сразу ко всем. Особенно, когда моровая язва сначала в город входила. Там и ждать особо не надо было, и образы индивидуальные не требовались. Только успевай принимать. Хотя, думаю, с нынешними реформами медицины скоро вернётесь вы обратно. В средние века. А порядочностью – так вообще в неолит. Что-то звериное в людях просыпается. Подлое. Каждый за себя. И плевать на всех. Как это в блатном мире: умри ты сегодня, а я завтра.

– Так меня убьют? Я умру? – заведующий отпил ещё вина.

– Вас уже убили. А дальше – выбор за Вами. Хотите умереть – просто дайте мне руку. Падать в объятия мужика, хоть и не настоящего, согласитесь, не комильфо. Хотите жить – живите. Я не вправе настаивать. Я могу только ждать.

– Но, если Вы не убиваете, тогда кто?

– Конкретно Вас? Я не имею права говорить. Но скажу. Думаю, никто не узнает о моём нарушении. Когда Вы входили в кабинет, Вам в затылок из травматического пистолета выстрелил Ваш бывший солдат. Один из тех, кого вы здоровым отправили в дурку. Там его реально сделали дураком, посадили на лекарства. Его избили в палате, он получил ушиб мозга и с тех пор страдает эпилепсией и приступами неконтролируемой агрессии. А, поскольку, психиатрические койки тоже сократили в угоду Идола наживы, то парня выпустили два года назад. И все два года он жил тихо,пил свои таблетки. И искал Вас. И нашёл ведь.

– А почему Вы считаете, что Ваше нарушение не всплывёт?

– Если и всплывёт, то только у Него. – Смерть уткнула палец в небо. – Кому то другому Вы об этом рассказать не сможете. А Он... он меня простит. – смерть протянула руку заведующему. – Ну, что? Идёмте?

– Я не хочу... – заведующий вспомнил новую молодую жену, почти даром доставшуюся квартиру, новую машину, хорошую премию за добросовестный труд... – и спрятал обе руки за спину.

– Как угодно...

Смерть тихо отступила в угол, где в камине догорали поленья, и исчезла, растворившись в сладком дыму.

– Уфффф. Ровно тридцать минут качали. Думал, не заведём – фельдшер взглянул на часы и покосился на врача. – Всё по стандартам пишете?

– А как же. Всё напишем строго, как положено. Никаких излишеств. Мы ж люди умные.

Стрелявший был освидетельствован, освобождён от наказания и помещён в психиатрическую больницу.

Заведующий вышел из комы, но больше никогда не разговаривал, и только дико смеялся, услышав в радиоприёмнике военный марш или сирену скорой за окном. Поскольку ничего самостоятельно он делать больше не мог, то был помещён женой в богадельню, где она о нём вскоре забыла, упиваясь молодостью, обеспеченностью и свободой.

Врач получил благодарность от высокого руководства. А потом его сократили в свете реорганизации службы.

Фельдшер... а что ему будет? Он и теперь работает. Без врача. Один.

Мочить по русски.

Для обывателя мужик выглядел смертником, стоящий одной в могиле. Да же не так – стоящим одной ногой из могилы. Лицо его было опухшим, губы кровоточили, глаза заплыли от синяков. Да и тело мужика было сплошь в ссадинах, и кровоподтёках. Короче – «не жилец», как сказала одна бабушка в очереди к травматологу, когда мужика в одних трусах и майке с надписью «Волейбол», под конвоем милиции вводили в кабинет врача.

Мужик был, естественно, пьян, но бодр духом и телом. А милиция привезла его не как задержанного, а как потерпевшего, для осмотра и «снятия побоев» – освидетельствование на предмет причинённого вреда здоровью.

– Кто ж тебя так – травматолог осматривал мужика со всех сторон.

– Да бес его знает. Дебилы малолетние. Не дали пива купить, прям в магазине драку учинили, паразиты.

– Ты что ж? В магазин в трусах пошёл?

– Не. Я штаны уже в участке снял. Вона, в пакете лежат. Уж больно грязные они. Полы в магазине вообще что ли не моют?

– По полу что ли валялся?

– Да получилось так. Их больше было. Слово за слово, х.. по столу... я ж только попросил без очереди пропустить. У меня всего то бутылка пива двухлитровая, а у них полная тележка хурмы всякой.

– И что? Бить начали?

– Начали. Да я в ответку тоже руками замахал. И понеслось – мужик явно был счастлив ещё раз рассказать свою эпопею.

– Не врёт? – врач повернулся к милиционеру – а на кой тогда в участок возили? Надо было сюда сразу. Чего время терять?

– Не врёт. И правда пострадал безвинно. А в участок сам пришёл. Те то разбежались. Искать теперь – служивый грустно вздохнул.

– А били то как? – врач опять перевёл взгляд на ранения героя.

– Да как. И руками, и ногами. Я уворачиваться еле успевал. Потом сзади обошли, на пол повалили и ногами мочить начали, гады.

– О. Кстати о моче. Спрошу на всякий случай. Так и почку повредить могли – подумал травматолог и вслух произнёс – А ты сегодня мочился?

Не успев переключиться с темы боя на тему, здоровья мужик радостно и гордо заголосил:

– А то!!! Я без боя не сдаюсь. Мочился, так, что только брызги летели – мужик не понял, почему врача внезапно согнуло за столом от смеха, а милиционер осел по стенке на кушетку – троих вообще на улицу вынесло – гордо закончил мужик.

Когда минут через 20, картинка, рисующая то, как и из чего мужик мочил своих оппонентов перестала стоять у медика перед глазами, история болезни, наконец, была дописана.

– В больничку дядя не хочет. Серьёзного, на первый взгляд, ничего нет. Видать, и правда хорошо уворачивался. А насчёт сотрясения головного мозга я вам точно только завтра смогу сказать, когда боец протрезвеет и придёт ко мне на приём.– травматолог пожал руку милиционеру – Домой то его довезёте?

– Ну, а куда ж его девать в таком спортивном виде? Придётся подбросить. – милиционер повернулся к мужику – Пошли, чудище. Пакет со штанами не забудь. И завтра, если проснёшься, что б сюда. Как штык.

Акулина.

– Акулина померла. – диспетчер мельком взглянула на фамилию в карте вызова и передала её фельдшеру – Съезди. Удостоверься...

Бабка Акулина никогда не ругала скорую. Объектом её матерщины были власть придержащие. Со слов соседки, Акулина всю жизнь отработала не то в главке, не то в торге. В один прекрасный день, проснувшись утром совершенно счастливой и здоровой, Акулина, по привычке вышла прогуляться, но вернулась домой не как обычно к обеду, а вечером, вусмерть пьяная. Что побудило пенсионерку впервые в жизни так надраться соседка не помнила, но с того дня крыша Акулины уехала далеко вперёд сознания. Нет. Она жила одна, обслуживала себя самостоятельно, не буянила, не скандалила, а только по вечерам соседка ясно слышала, как Акулина за стеной то ли молится, толи что-то считает, толи просто громко бубнит речетативом какие то мантры. В дни советских праздников она напивалась, выходила на балкон и крыла матом всех тех, кто по её мнению развалил великую державу. После чего давление у немолодой пьяницы подскакивало, и скорая помощь по первому зову тут же летела сделать укол магнезии и выслушать от бабки всё, что накопело у неё на душе начиная со смерти Брежнева и заканчивая днём сегодняшним.

Но скорую не ругала. Успокоившись, просила прощение за причинённые неудобства и жалилась, что не может отблагодарить бригаду материально. Типа, деньги теперь другие, не те, что прежде и пенсии на жизнь хватает, но всё равно впритык.

– Эхх – обычно заканчивала диалог бабка – Вы б ко мне лет двадцать назад приехали бы. Я б вам, золотым, всё бы отдала. А вот дура была.

И начинала хихикать.

Акулина лежала на кровати лицом вверх. На лице покойной почему то не было умиротворения, какое обычно бывает у стариков, умерших своей смертью. Наоборот. Лицо выражало крайнюю озабоченность и недовольство. Участковый милиционер уже был в квартире и что-то сосредоточенно писал, сидя за столом, где ещё стояла одна непочатая бутылка водки и пустая банка из под пива.

– А что за праздник то? – фельдшер поставил ящик на пол и поздоровался с милиционером

– Как что? Так день торговли вчера по советскому стилю был. Я сам удивился, что вечером мата с балкона слышно не было. Обычно, так соседи звонили, просили унять старую. А тут вишь, дело какое.

– Кто нашёл то? – фельдшер достал бланк и сел на соседний стул.

– Дочь до мамы не дозвонилась, приехала. Я её за соседкой послал. Паспорт никак не найдём. Может соседка в курсе, где искать? Она у Акулины типа приходящей домработницы была на общественных началах. А может дочка попросила приглядывать. Не знаю, не вникал.

В комнату вошли дочь Акулины и соседка.

– Вот здесь она документы хранила – соседка указала на нижний ящик комода – Она сама говорила, что тут все документы и сбережения лежат. Только я никогда не видела, чтоб она этот ящик при мне открывала. Пробовала раз, прости меня Господи, полку то выдвинуть, так она так орать начала, что я больше к комоду близко не подходила. Да и закрыт у неё этот ящик. На ключ. А где ключ у неё я и знать не знаю.

Милиционер, секунду подумав, подошёл к покойнице. На тощей её шее, на верёвке висел небольшой ключ. Осторожно разрезав верёвку, милиционер подозвал к комоду всех участников события и вставил ключ в замочную скважину.

Всеобщий вздох мог запросто спровоцировать воскрешение из мёртвых. Ящик комода был доверху набит деньгами. Советскими деньгами. Нераспечатанные пачки пятидесяти и сто-рублёвых купюр аккуратно заполняли ящик. И, судя по отсутствию пыли, пачки регулярно пересчитывались и заново укладывались обратно в комод.

– Вспомнила! Точно! В этот день она рехнулась? – первая оправилась от изумления дочка.

Соседка, словно что-то вспомнив, утвердительно закивала головой:

– Деньги! В этот день деньги поменяли. Павловская реформа! Вот с чего у неё ум подвинулся.

– Да уж – задумчиво произнёс участковый – О, как старушка под раздачу попала. Поневоле свихнёшься.

– Точно – фельдшер взял в руку одну из пачек и примерил её на вес. – Да и не такая уж она старушка тогда была. А поди, как торкнуло.

– Эх-х. Знала б раньше... – дочь грустно изучала внезапно свалившееся на неё «наследство».

– ... стало б тогда две дуры вместо одной – докончил предложение фельдшер и бросил «котлету» денег обратно в ящик. – Ты согласен со мной, лейтенант?

Ветераны.

– Помню, деда одного забирали. Я тогда на коммерческой скорой подрабатывал...

Врач уселся в кресло и отложил только что заполненную карту вызова. Коллеги и студенты, до этого момента судачившие о грядущем дежурстве на День Победы, примолкли. Врач всегда рассказывал интересно.

– Ну вот. Крепкий такой дед, шустрый, хоть и стенокардия у него постоянно о себе знать давала. Но всё равно ухоженный, подтянутый. Оказалось немец. Настоящий. Из Германии. По-русски хлеще нашего и говорил, и матерился. А забирали из офиса, где дед этот консультантом был по какому то бизнесу. Точнее, он этот бизнес и организовал ещё на заре перестройки. Потом передал управление сыну, а сам остался у него консультантом. Это мне как раз сын рассказывал, пока мы его отца в больницу везли.

Дед, как оказалось, ветеран вермахта. И удостоверение даже с собой было. Воевал на восточном фронте. Потом плен, Сибирь. Лет пятнадцать по лагерям. Там, кстати, и язык выучил по полной программе. От литературного, до фени. Когда в Германию вернулся, денег от своего государства получил за все свои мытарства. Почёт, уважение. Бизнесом занялся. Но о России не забывал. Помнил и всегда с уважением о ней отзывался. Уж чем она ему понравилась? А как перестройка началась, решил в России филиал своей фирмы открыть. Но, сами понимаете, Россия – не Германия. Здесь любой бизнес постоянно на нервах. Вот стенокардия его после очередной налоговой проверки и подкосила.

В общем, сдали мы деда в самую, что ни на есть дорожную клинику. Его страховая контора не скупилась, да и сам дед не сильно бедно жил. В приёмном его чуть не профессора встречали. И сразу по полной программе обследование.

Выезжаем мы с территории, метров триста проехали, а нам с тротуара народ руками машет. Дедок в магазине завалился. Охраннику показалось, что дед что-то в карман сунул и наорал на него. Дед психанул и на пол осел. Что делать? Не имеем права отказать, остановились. А там шок кардиогенный. Взяли в машину, по полной программе полечили. Тут городские подлетели, с моей подстанции ребята. Деда им передали и распрощались.

Потом коллеги мне рассказывали, что дед им пару раз клиническую смерть выдал, пришлось током бить. Куртку его потрёпанную сняли, а под ней пиджачишко. Весь в орденских

планках. Особо рассматривать времени не было, но судя по всему, дедок в Великую Отечественную не на печи отлёживался, а честно Родину защищал от супостата.

Короче, приняли они решение везти деда в ближайшую больницу по жизненным показаниям. А ближайшая, как вы поняли, была эта самая дорогушая клиника.

Ох и вой там начался, когда они деда на каталке в приёмное закатили. С требованием срочно определить больного в кардиореанимацию. Никак брать не хотели. Везите, говорят, в городскую. Но наши народ ушлый. Тоже хай подняли. Дескать, не возьмёте ветерана – такой скандал поднимем, что мало не покажется. Сдались. Ладно, говорят, возьмём. Состояние стабилизируем, а потом переведём в городскую.

Ну, ребята спасибо сказали и убыли восвояси с чувством глубоко исполненного долга.

– Красавцы! – один из слушателей восторженно прицокнул языком – Нашли чем зацепить. А так бы пришлось в городскую везти. По пробкам. Глядишь, и не довезли бы. Живой дед то?

– Вот чего не знаю, того не знаю – врач виновато развёл руками – В эту клинику мы больше никого не возили полгода, а потом уж и забылось всё.

Густав поправил узел галстука и постучал в дверь. Получив разрешение, он вошёл. Кабинет был просторный и светлый, главный врач улыбочивый и радушный, а предложенный кофе чем-то напомнил любимое кафе на окраине Вены, куда он всегда заходил, приезжая по делам в этот город.

Достав из папки результаты обследования, главный врач надел очки.

– Ну-с-с... Всё не так плохо, как показалось. Основные показатели в пределах разумного, но понаблюдать вашего отца хотя бы недельку просто необходимо.

– Я в курсе. – Густав отставил кофейную чашку в сторону – Я только что был у него, и он мне всё рассказал.

– Вот и отлично! – главный врач расплылся в улыбке – с вашей страховой компанией мы договорились. Сумма страховки достаточная и она уже переведена на наш счёт. Что-то ещё?

– Да... – Густав помялся – Вчера, когда я собирался уходить, к вам привезли старика. Там ещё врачи скорой ругались с вашим персоналом. Скажите, он жив?

Главный врач немного скривил губы, оперативно переводя невольную гримасу в улыбку.

– Конечно, жив. У нас самая лучшая кардиореанимация. А персонал клиники, спровоцировавший инцидент в приёмном отделении, уже получил выговоры за нарушение этики. Более подробно случай будет разобран на сегодняшней конференции. Не удивлюсь, если кто-то потеряет работу.

– Нет, нет... – Густав быстро заговорил, перебивая главного врача – Я совсем не хочу, чтобы кто-то потерял работу. Люди просто были взвинчены, они не правильно поняли ситуацию. Как работодатель, я бы ограничился предупреждением и ввёл обязательные психологические тренинги для персонала.

– Ну, что ж – главный врач облегчённо вздохнул и рассмеялся – Воспользуемся, так сказать, заграничным опытом и не будем никого увольнять. Ещё что-то?

– Да. Вы не сказали про состояние старика.

– Больной стабилизирован. Через пару дней мы переведём его в городскую больницу, где он будет находиться до полного выздоровления. К сожалению – видя вопросительный жест собеседника, врач продолжил чуть твёрже – и вы должны меня понять как бизнесмен бизнесмена, мы не располагаем возможностями бесплатно лечить всех нуждающихся. Но вы не волнуйтесь. В государственных клиниках пока ещё есть высококлассные специалисты, умеющие и знающие своё дело. Конечно, мы можем больше, но... – главный врач развёл руками – таковы наши реалии.

– Ты всё сделал правильно – немецкая речь звучала непривычно для слуха постовой сестры. Она ничего не понимала из того, что говорил в трубку телефона этот лощёный старик. – Ты поступил так, как поступил бы и я сам. Я горжусь тобой, сын. Только одна просьба: распорядись, чтоб в мою палату поставили вторую кровать. Да, да. Для него. Это будет дешевле, чем тратить лишние деньги на отдельную палату. Уверяю тебя, меня это не стеснит. Тем более, нам всегда будет о чём поговорить. Ведь он тоже ветеран. Ещё больший, чем я.

Радикюль.

– У бабки Песочницы сегодня был. – Молодой фельдшер явно гордился собой – И не такая уж она и вредная, как вы её описываете. Давление подскочило. Я всё сделал, давление снизил. Бабка довольна. Спасибо сказала.

(Бабка получила своё прозвище от названия улицы Песочная на которой жила. И, дабы не утруждать суровый водительский мозг лишними словами, фельдшера, садясь в машину просто говорили: «В Песочницу».)

– Молодец. – один из пожилых фельдшеров оторвался от созерцания программы «В мире животных» – Денег предлагала?

– Нет – удивлённо ответил молодой. – А должна была?

– Плохо. Раз не предлагала, значит не понравился ты ей. Значит, опять вызовет. – Остальные коллеги дружно закивали головой в знак согласия. – Кто там по очереди первый? Готовься.

– Предлагала. – молодой фельдшер встал на пути старшего коллеги. – 500 рублей предлагала. Сказала, что пенсию получила, а в радикюле ещё с прошлой пенсии 500 рублей осталось. Так, что, говорит, это вам на сигареты.

– Взял? – пожилой фельдшер с интересом поглядел на молодого.

– Нет, конечно. – молодой фыркнул. – Буду я ещё деньги с бабок брать.

– Плохо. Значит, решит, что ты её лечил плохо, раз денег не взял. Сейчас опять вызовет. – Остальные коллеги дружно закивали головами в знак согласия. – Кто там по очереди первый? Иди, водителю своему скажи, что сейчас в Песочницу поедете.

– Вот! – молодой фельдшер покрутил перед лицом старшего товарища пятисотенной купюрой. – Теперь не вызовет?

– Не вызовет. – Старший товарищ укоризненно посмотрел на своего молодого коллегу. – Только деньги со старушек грех брать. Даже с таких вредных, как Песочница. И чему вас в училищах теперь учат?

Остальные коллеги дружно вздохнули, поддерживая мнение фельдшера о полном и сокрушительном разгроме всего медицинского образования.

– Да вас не поймёшь! И так плохо, и вот так тоже плохо. – Молодой фельдшер был в отчаянье. – Делать то я что должен был?

– Подрастёшь – узнаешь – опытный фельдшер взял из рук молодого купюру и сунул себе в карман.

– Ну всё, Клавдия Анатольевна. С давлением мы с Вами как то справились. Голова теперь не кружится? Ну и славно. Тогда я, с вашего разрешения, дальше поеду. А Вы ложитесь отдыхать. И утром к Вам врач участковый заглянет, я распоряджусь.

– Спасибо Вам, доктор. Уже гораздо лучше. Я очень хочу Вас отблагодарить. Очень. Но пенсия у меня через неделю, а лишних денег сейчас нет. Вы уж не обессудьте. Я в следующий раз Вас отблагодарю, не переживайте. Я уж сама себя ругаю, что в этом месяце с деньгами что то напутала. За свет что ли лишку переплатила?

– Ничего страшного. Не мне, так коллегам моим отдадите. Мы всё равно на общий стол покушать покупаем.

– Ну, дай Бог, дай Бог... – старушка перекрестил фельдшера. – Вы уж дверь входную сами захлопните, чтоб мне не вставать.

– Конечно, конечно. Отдыхайте.

В коридоре фельдшер на секунду задержался у стоящей в нише стены тумбочки. На тумбочке, где ему и полагалось, лежал старомодный, с медными застёжками, радикуляр. Опытным движением рук радикуляр был открыт, и в его сморщенные недра фельдшер привычно скинул пятисотенную купюру, после чего тихо закрыл сумочку и, громко топая, вышел на лестницу, захлопнув за собой дверь.

– Вот же старая ж... женщина. Расстроилась. Денег у ней видите ли нет. – Фельдшер ёрничал, коллеги хохотали. – Да полный радикуляр. Сам проверял.

Месть пьяными кошками.

– Мариванна... – девушка фельдшер начинала терять терпение, но всё ещё держала себя в руках – давайте ещё раз сначала. Давление снизилось?

– Снизилось – подтвердила женщина лет пятидесяти с истеричным голосом – но оно скоро поднимется опять.

– Не поднимется, если вы не будете воспринимать всё так эмоционально. Голова перестала кружиться?

– Перестала. Но она потом опять закружится.

– Не закружится. Просто успокойтесь и ложитесь спать. Время за полночь. Хотите, я накапаю вам валерианы?

– Мне не нужна ваша валерианка. Мне нужен укол. Что ж вы такая непонятливая. Я уже десять раз вам сказала, что мне помогает укол.

– Я дала вам таблетку, давление снизилось. Поэтому считаю, что инъекция сейчас вам ни к чему.

– Я лучше знаю, что к чему – женщина опять начала накручивать – что за скорая пошла? Вы вообще врач или кто? Вы должны прислушиваться к больным. Больные лучше вас знают, что им помогает. Они живут с этим.

– Ну, хорошо – фельдшер обречённо вздохнула – какой препарат вам помогает?

– А это, милочка, должны вы знать, а не я. Вы медик. Мне всегда делают какой то укол.

– Какой-то? – девушка секунду подумала и раскрыла ящик с лекарствами – Выбирайте.

– Да я... – женщина задыхнулась от возмущения – Да вы... – она патетически схватилась рукой за сердце – Ваша фамилия?

– Ну, вы же сами сказали какой-то. Выбирайте. Какой скажете, такой и сделаю.

– Уходите – женщина указала фельдшеру на дверь – я вызову другую скорую.

– Хорошо, хорошо. – фельдшер засобиравалась – но прошу учесть, что на ваш следующий вызов опять приеду я. У нас не так много бригад и все работают по одному.

– Вас уволят...

– Тогда к вам вообще скоро никто не придет. Жалуйтесь. – фельдшер устало вздохнула и вновь присела на стул, решив последний раз поговорить со строптивой больной – Вот скажите мне. Вы не обращаетесь к врачу, неправильно принимаете свои лекарства, вызываете скорую и днём и ночью по любому поводу. Неужели вам это нравится? Ну, если скучно совсем, заведите себе кошку. Проблем с ней никаких, всё-таки не квартира, а частный дом. К врачу ходите. Она вам лекарства правильно подберёт. И живите себе спокойно. Тем более лето смотрите, какое великолепное. Тем более, давление ваше не так уж сильно и повышается,

чтоб скорую вызывать. У нас половина врачей с таким давлением вообще на работу ходят, лишь бы больничный не брать.

– Я ненавижу кошек. И как вы на работу ходите меня тоже не волнует. И вообще попрошу не учить меня жить. Молода ещё, чтоб мне выговаривать. Я всю жизнь налоги платила и имею право, чтоб вы ко мне приезжали, когда я этого требую. И делать всё, что требуется. Всё. До свидания. Я спать хочу.

– Валерьянку она не любит... кошек она не любит... врачей она не любит... спать она хочет...

Девушка вытирала кулачком слёзы обиды, одновременно яростно вытряхивая из пузырька на половичок у двери дома непризнанную больной настойку валерианы.

Кошачий концерт продолжался до самого рассвета.

Нервная барышня и чудо воскрешения.

Времени было достаточно, но толкаться в метро в таком прикиде и на таких высоченных каблуках желания не было. Девушка ступила с тротуара на проезжую часть и подняла руку, ловя такси. Проезжавший мимо микроавтобус создал, наверное, слишком сильную для её анорексичного тела воздушную волну. Покачнувшись, девушка отпрянула обратно на тротуар. Зацепившись каблуками за бордюр, она упала и подняться на ноги самостоятельно уже не смогла – слишком высоки были её каблуки. Извиваясь всем телом и охая от боли, девушка пыталась подняться, что было расценено прохожими как предсмертная агония. В их вытянутых вперёд руках сразу появились мобильники, но скорую себе вызвала сама пострадавшая, достав из сумочки украшенный стразами телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.